

РОЗДІЛ ДРУГИЙ

ПОЛІКОНФЕСІЙНІСТЬ І СВОБОДА ВІРОСПОВІДАНЬ

Коул ДЮРЭМ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОБОДЫ РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ*

Законодательство, регулирующее процесс создания, признания и регистрации соответствующих юридических лиц, является важным средством обеспечения существования большинства религиозных сообществ в современном правовом контексте. Большая часть существующих в различных странах религиозных сообществ стремится зарегистрироваться и получить признание, потому что только это предоставляет им возможность таким образом воспользоваться преимуществами этого статуса. Конкретный набор прав, связанных с таким статусом, бывает различным в зависимости от правовой системы, а также от конкретного типа юридического лица в рамках каждой системы. Однако в современном мире группе, не имеющей статуса юридического лица, как минимум, чрезвычайно трудно предпринимать простейшие правовые действия, в частности такие, как открытие банковского счета, аренда или приобретение помещения для богослужений или иной религиозной деятельности, вступление в договорные отношения, возможность выступать в суде в качестве истца или ответчика (то есть защита прав организации посредством обращения в суд и право быть субъектом судебного иска) и так далее. Эти проблемы особенно важны для крупных организаций, которым необходимо строить и поддерживать множество зданий богослужебного назначения, развивать сеть пастырского попечения и создавать благотворительные и образовательные службы и таким образом, чтобы вся эта деятельность соответствовала их глубинным религиозным убеждениям.

Статус юридического лица является жизненной необходимостью, потому что в практическом отношении никакая сколько-нибудь крупная религиозная организация не может действовать эффективно и результативно, не имея такого статуса. Современная религиозная община неизбежно взаимодействует со светским правовым порядком множеством способов с целью ведения своих дел. В отсутствие статуса юридического лица этот процесс будет безнадежно затруднен и подвергнет религиозные общины рискам, связанным с долговыми обязательствами, и другим юридическим проблемам, которые не должны

* Друкуються за: Свобода религий и убеждений. – М., 2010. – С. 287-415.

навязываться религиозным общинам против их воли. Например, если правом собственности на имущество религиозной группы обладает частное лицо, это подвергает опасности интересы группы как целого, поскольку существует риск, что это лицо может присвоить имущество для собственного пользования, или использовать его для исполнения своих долговых обязательств по договору или в целях компенсации причиненного ущерба.

Кроме того, во многих правовых системах существует ряд дополнительных юридических проблем, оказывающих существенное влияние на религиозную жизнь и связанных с приобретением статуса юридического лица (или определенной его разновидности). Во многих правовых системах регистрация является необходимым условием для:

- получения права пользования на землю или иных разрешений от государства;
- приглашения в страну иностранных религиозных лидеров, работников и добровольных помощников;
- организации посещений и служения в больницах, тюрьмах и вооруженных силах;
- права на создание образовательных учреждений (как в целях обучения детей, так и для подготовки священнослужителей);
- права на создание отдельных благотворительных организаций на основании религиозных принципов;
- получения освобождения от различных форм налогообложения и возможности вычета из налогооблагаемой базы пожертвований религиозным организациям.

В отсутствие статуса юридического лица, предоставляющего религиозным организациям достаточные организационные права, практическое осуществление ими полного спектра законной религиозной деятельности представляется чрезвычайно сложным. Следовательно, отказ в доступе к такому статусу является серьезным бременем, ограничивающим право религиозной общины как коллективного целого на свободу религии и убеждений, а также прав ее отдельных верующих. Такой отказ возлагает особое бремя на руководителей религиозной группы, которые могут ощущать, что их старания надлежащим образом исполнять свои религиозные обязанности встречают противодействие. Нередко такие обязанности принимают форму религиозного призвания и осуществление их воспринимается как нравственное обязательство, которое сродни религиозной заповеди. На простых верующих это также сказывается отрицательно, поскольку способность религиозной общины организовать и структурировать свою деятельность нарушается множеством способов. С учетом всего вышесказанного неудивительно, что право на статус юридического лица в настоящее время прочно укоренилось в законодательстве о правах человека.

Принимая во внимание все практические последствия получения статуса юридического лица, официальная позиция в поддержку репрессивных законов, выражающаяся в утверждениях, что религиозные группы якобы могут исповедовать свою религию и не имея такого статуса, представляется просто циничной. Заявление о том, что религиозная деятельность без статуса юридического лица не запрещена, вовсе не доказывает, что права на религиозную свободу и недопущение дискриминации в достаточной мере обеспечены. В современном мире всеобъемлющие гарантии религиозной свободы и равенства

требуют предоставления статуса юридического лица, который был бы достаточен для того, чтобы религиозные общины могли «выражать [свои] религиозные убеждения в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» – короче говоря, осуществлять весь спектр религиозной и благотворительной деятельности, которая в течение всего хода истории была тесно связана с религиозной жизнью.

Эти соображения также объясняют, почему законы, регулирующие регистрацию и создание религиозных объединений, стали важной отправной точкой для оценки уровня религиозной свободы в различных странах. Законы, регулирующие доступ к статусу религиозной организации (юридического лица), по разному описываются в различных системах и придают несколько различных статусов и именовании религиозным организациям. Религиозные организации остро осознают свои потребности в этой области и вполне объяснимо, что они добиваются реформ в тех областях, где существуют ограничения. Поскольку статус юридического лица им жизненно необходим, будучи правовым основанием для большей части других видов деятельности, это становится центральной проблемой, вызывающей озабоченность, и выходит на передний план в качестве приоритетной потребности. Для давно признанных религий проблемы статуса юридического лица как бы не существует, этот статус часто представляется как нечто само собой разумеющееся, но даже и они выходят из своей апатии, когда возникают конфликты. Вопрос о статусе юридического лица имеет обыкновение периодически возвращаться на передний план и напоминать религиозным общинам о своей важности при возникновении споров. Именно в силу своей способности облегчить или ограничить осуществление религиозной свободы, законодательство в этой области становится важным показателем общего климата в области свободы религии и убеждений в каждой стране.

Другая причина, по которой законы о регистрации, как правило, становятся основным индикатором состояния религиозной свободы, состоит в том, что нередко они являются средством, которое государство использует для реакции на воспринимаемые им общественные проблемы, связанные с религией. Это может выражаться либо в виде ужесточения формулировок, либо путем применения законов о регистрации. Например, Франция на проблемы, предположительно исходящие от «опасных сект», отреагировала принятием в 2001 году закона, который позволяет судам ликвидировать объединения, если они сами или кто-либо из их руководителей были осуждены за причинение вреда личности, незаконную медицинскую деятельность или неправильное обращение с фармацевтическими препаратами, введение общественности в заблуждение или мошенничество.

Хотя определенная деятельность, осуществляемая под прикрытием религиозной организации, может иметь достаточно серьезные последствия для того, чтобы оправдать отказ в статусе юридического лица, по большей части применение контрольных механизмов, связанных с законами о религиозных объединениях, носит неоправданно расширительный, неэффективный и даже контрпродуктивный характер. Например, в ситуациях, когда один из членов или руководителей религиозной группы участвовал в преступной или мошеннической деятельности, понятно может служить основанием для применения соответствующих уголовных или гражданских санкций. Но при этом совершенно непонятно, почему другие члены религиозного сообщества и само это

сообщество, как коллективное образование, должны быть лишены доступа к статусу юридического лица из-за правонарушений, совершенных другими членами группы. Непредоставлением в подобном случае права юридического лица религиозной общине все ее членов приравнивает к соучастникам правонарушений. В действительности, однако, применение контрольных механизмов в законах о религиозных объединениях, как правило, выходит за пределы допустимого в соответствии с правовыми и процессуальными нормами, регулирующими установление ответственности за соучастие в большинстве правовых систем. В целом, чрезмерные усилия по осуществлению контроля над религиозными группами нарушают право на религиозную свободу невиновных членов групп, в отношении которых ограничение доступа к статусу юридического лица и различным связанным с ним преимуществам никак не может быть оправдано. Для того, чтобы быть легитимной, свобода совести и религии требует более четкой разработки регулятивных средств и целей.

Использование законов о регистрации в качестве контрольного механизма имеет и еще один недостаток: оно часто неэффективно, и столь же часто может приводить к обратным результатам. Дело в том, что по-настоящему опасные группы редко излагают свои незаконные цели в документах, подаваемых ими на регистрацию. Чрезмерно жесткие стандарты регистрации, вероятнее всего, приведут лишь к тому, что такие незаконные группы просто уйдут в подполье. Часто чрезмерное бремя законодательства о регистрации вынуждены нести законно созданные и законопослушные группы, тогда как на группы, на которые направлены эти законы, они не оказывают никакого воздействия. В некоторых странах имеется достаточно доказательств тому, что жесткое обращение с законно признанными группами может привести к большей дестабилизации, чем те социальные проблемы, которые пытается предотвратить и контролировать правительство.

Отметим, что различные преимущества, связанные со статусом юридического лица, и, несомненно, многие другие, которые могут быть названы, обычно предоставляются в различных конституционных системах - как в тех, которые настаивают на последовательном отделении религии и Церкви от государства, так и в тех, которые допускают тесное между ними сотрудничество. Важно иметь в виду, что регистрация и признание могут влечь за собой и более обширные привилегии. Некоторые из этих привилегий считаются неконституционными в сепарационистских режимах, например, таких как США, или лаицистских формах правления, наподобие Франции или Турции. Однако такие привилегии могут не только допускаться, но и охраняться конституцией и во многих других правовых системах. К этим привилегиям относятся такие меры, как установление и сбор «церковного налога», право на различные виды систем «списания» налогов, которые содействуют финансированию религиозных институтов, финансирование содержания клира, субсидии на поддержание религиозных зданий и сооружений, сотрудничество в области предоставления религиозного образования и ряд других форм сотрудничества между государством и религиозными организациями. Даже если оставить в стороне финансовые преимущества, очевидно, что во многих системах статус юридического лица (возможно, ограниченный определенными категориями юридических лиц) помогает приобрести репутацию, легитимность, респектабельность и престиж, которые являются по своей природе ценными и

желанными для религиозных общин. В зависимости от страны и лежащих в основании исторических факторов, эти неосязаемые преимущества могут быть связаны с приобретением определенных типов формального правового статуса. Там, где это допускается конституцией, различные варианты конкретного сотрудничества религиозных сообществ и государства соотносятся со стереотипами социального престижа и легитимности различными способами, помогающими взаимодействию, которое содействует благу религиозных групп.

Международно признанное право на свободу религии и убеждений не обязательно исключает возможность кооперационного подхода к построению отношений между религией, ее институциями и государством, подобного описанному в предыдущем абзаце. Это происходит потому, что помощь, оказываемая религии, или сотрудничество с ней не обязательно предполагает вмешательство в свободу богослужения, исповедания, исполнения ритуалов или обучения религии и в действительности может оказывать благоприятное воздействие. С точки зрения прав человека, помощь или сотрудничество начинают представлять проблему только в том случае, если они осуществляются дискриминационным образом или таким, который прямо или косвенно приводит к «принуждению, которое нарушило бы... свободу иметь или принимать религию по [своему] выбору», или к какому-либо другому неопозволенному ограничению на выражение религиозных убеждений.

В силу ряда исторических и практических причин, системы, в которых имеются сильные кооперационные элементы, почти неизбежно вырабатывают двух- или многоуровневую систему регистрации и признания, которые помогают провести различия между теми организациями, которые имеют право на полное сотрудничество со стороны государства, и теми, кто получает поддержку в меньшей степени или вообще не получает ее. Эти системы могут претерпевать значительное усложнение по мере того, как они пытаются справиться с противоречиями, неизбежными при попытках управлять массивными системами государственной поддержки, обладающими глубокими историческими корнями, и при этом соблюдать современные принципы равного отношения ко всем религиям. Структуры «верхнего уровня» обычно обладают весьма специфическими особенностями, характерными для конкретной страны, и весьма чувствительны к историческим факторам. Это относится и к различным преимуществам в форме прямых или косвенных финансовых льгот, других привилегий и престижа, сопутствующих этому статусу. Например, многие традиционно римско-католические страны имеют соглашения с Католической церковью. В этих странах соглашения заключаются все чаще и с другими крупными деноминациями, которые регулируют церковно-государственные отношения с этими группами. Так, в Германии ряд преимуществ, а также повышенный уровень престижа связаны с получением статуса публичной корпорации. В Австрии «признанные церкви» обладают большими привилегиями и более высоким общественным статусом по сравнению с недавно созданной категорией «публично зарегистрированных религиозных сообществ», а эти последние имеют различные преимущества перед теми религиозными группами, которые предпочитают регистрироваться как обычные «зарегистрированные объединения».

До сих пор предпочтение в отношении к различным религиозным группам, очевидное в таких стратифицированных системах, не признавалось нарушением

антидискриминационных норм. Отчасти это мотивируется политическими соображениями, поскольку обычно у власти недостаточно воли бороться с укоренившимися отношениями между государством и преобладающими религиями, которые развивались на протяжении столетий. Это также отражает установки, согласно которым «существуют рациональные и объективные соображения, вытекающие из истории, традиции, накопившихся обязательств, роли по формированию идентичности и ограничений правительства, социального миротворчества и практических аспектов отношений с крупными церквями, которые оправдывают различие в обращении». Определенную роль может сыграть и эффект масштаба. Страны неохотно берут на себя международные обязательства, которые могут потребовать от них демонтировать давно установившуюся и в целом удовлетворительную структуру церковно-государственных отношений. В свете этих соображений представляется маловероятным, что многоуровневые системы будут в принципе признаны нарушающими основополагающие международные стандарты религиозной свободы, по крайней мере, постольку, поскольку все религиозные организации обладают достаточным доступом к созданию юридических лиц базового уровня, которые обладают достаточными полномочиями для осуществления полного спектра своей законной религиозной (или мировоззренческой) деятельности. Конечно, если определенные системы заходят слишком далеко, предоставляя привилегии определенным группам, нарушения прав человека не исключены.

Сделаем здесь в своих размышлениях упор на возможности получения статуса юридического лица «базового уровня», а не на доступе к структурам «верхнего уровня», которые часто развиваются в кооперационных системах или системах с установленной государственной религией. Причина для этого вполне понятна: отказ в доступе к статусу юридического лица базового уровня вызывает наиболее значительные и многочисленные нарушения свободы религии и убеждений. Более того, по этому вопросу существует слишком большой консенсус, именно в этой области также кристаллизовались наиболее ясные международные нормы. Несмотря на невозможность рассмотреть все огромное богатство и разнообразие структур, которые развивались в рамках кооперационных режимов, важно помнить, что основополагающие принципы прав человека накладывают ограничения даже на самые глубоко укорененные модели государственного сотрудничества или установления официальной «традиционной» религии, если они носят принудительный характер, вводят недопустимые ограничения или допускают недозволенную дискриминацию.

Дадим ниже сравнительный обзор правовых структур, доступных религиозным организациям. Но прежде рассмотрим вопрос существующих видов статусов и связанных с ними правовых преимуществ. Для того, чтобы лучше оценить круг проблем, возникающих в сфере прав человека в связи с законами, регулирующими деятельность религиозных организаций, будет полезно сначала рассмотреть спектр существующих типов юридических лиц в сравнительной перспективе. Практически во всех правовых системах, находящихся в орбите гражданского (континентального) или обычного (англосаксонского) права, имеются правовые положения, которые определяют, какие правовые структуры доступны религиозным сообществам для организации их деятельности. Обычно в гражданско-правовых системах существует какой-либо механизм регистрации и/или признания таких организаций, тем самым предоставляющий им статус

юридического лица. В юрисдикциях обычного (англосаксонского) права, например, в США, существует ряд структур, к которым относятся трасты (доверительные фонды), единоличные корпорации, некоммерческие корпорации и религиозные корпорации. В мире англосаксонского права все они считаются юридическими лицами «базового уровня». Организации не приходится тратить время на то, чтобы получить признание в качестве одного типа юридического лица, прежде чем получить право приобретения «более высокого» статуса. Различные виды юридических лиц не воспринимаются как несущие с собой фундаментально различные уровни статуса и привилегий. Скорее, они рассматриваются по существу как набор юридических опций, которые религиозные организации могут предпочесть использовать, в зависимости от того, какая структура лучше удовлетворяет их юридическим потребностям. В целом типичные правовые акты, в которых описывается процесс создания корпорации, аналогичны подобным положениям в гражданско-правовой системе, относящимся к религиозным объединениям.

В законах о религиозных объединениях имеются значительные различия в спектре затрагиваемых ими проблем, а также в том, каким образом они связаны с другими аспектами правовых систем, частью которых они являются. Несмотря на это, они, как правило, касаются следующих аспектов и требований:

1. лица, имеющие право учредить юридическое лицо;
2. указания, касающиеся предоставления информации об учредителях;
3. лица, представляющие организацию, и информация о них;
4. порядок учреждения организации, которому должны следовать учредители;
5. содержание устава, учредительного договора, документа о создании корпорации или другого документа, регулирующего деятельность организации;
6. критерии для государственной регистрации или признания организации;
7. порядок и сроки для учреждения организации юридического лица;
8. процедуры обжалования в случае отказа в регистрации;
9. ограничения на разрешенную деятельность организации;
10. ограничения на распределение доходов и имущества организации;
11. поправки в учредительные документы организации;
12. положения о роспуске (ликвидации).

Что поражает в существующих законах, регулирующих создание юридических лиц для религиозных групп, так это возможность их самого различного использования в различных правовых системах. Так, в США и в большинстве стран Западной Европы законы, регулирующие создание религиозных организаций, направлены и используются в основном с целью содействия организации религиозной деятельности. В противоположность этому, весьма очевидно, что в бывшем Советском Союзе такие законы использовались в качестве контрольных механизмов. Принятое в последние годы в большинстве стран бывшего социалистического блока законодательство показывает продвижение в направлении подхода в большей степени ориентированного на содействие, однако имеются пережитки подхода, направленного на контроль. Например, крайне жесткий закон был принят белорусским парламентом в октябре 2002 года. Подобное законодательство сохраняется и в странах Средней Азии. Даже там, где законодательство было либерализовано, часто остается

очевидной ориентацией государственных органов на контроль. Ряд законов стран бывшего социалистического блока либо разработаны с целью осуществления контроля, либо обладают особенностями, которые отражают старые установки. Даже во многих странах этого региона, которые приняли новое законодательство, старые стереотипы управления имеют тенденцию к сохранению. Слишком часто те, кто ответствен за исполнение законов, регулирующих деятельность религиозных объединений, продолжают использовать их для создания препятствий религиозной деятельности вместо того, чтобы оказывать ей содействие.

Все законы, имеющие место в этой области, обладают особенностями, направленными как на содействие, так и на контроль. Много зависит от того, каким образом эти законы применяются на практике. Например, большинство законов о религиозных объединениях содержат положения о роспуске или ликвидации, и в той мере, в какой допускается иное помимо добровольной ликвидации, потенциал для государственного вмешательства очевидно предоставляет определенную степень контроля. В правовых системах, соблюдающих свободу религии и убеждений, условия, в которых допускается ликвидация, строго ограничены. Контрольная функция заключена в этих узких рамках. Расширение условий для недобровольного роспуска со всей очевидностью расширяет потенциальную сферу осуществления государством своей контрольной функции. Даже в тех странах, где регистрация представляет собой преимущественно простое уведомление, информирование государства о деятельности организации требует представления документов, которые дают государству контактную информацию о лицах, представляющих организацию, с которыми можно связаться в случае возникновения проблем. Этот минималистский подход дает государственным служащим рычаг, который может быть использован для связи с организацией, если возникнут проблемы в связи с контролем над ее деятельностью. Однако гораздо сильнее функция контроля проявляется там, где ограничительные критерии определяют предоставление статуса юридического лица. Само по себе предоставление такого статуса во многих странах становится проявлением контроля и, как утверждается выше, это иногда приводит к нарушениям права на свободу религии и убеждений (а также права на свободу собраний и объединений) в случаях, если доступ к статусу юридического лица неправомерно затрудняется.

Характерным является то, что англосаксонские правовые системы в большой степени склоняются в сторону «подхода, ориентированного на содействие». Им присуща гибкость, которую дает совокупность имеющихся способов содействия, начиная от широкого спектра видов юридических лиц, существующих в США, в наличии соответствующие институты, существующие в некоторых других государствах. Полностью описать весь спектр юридических лиц, существующих в мире, невозможно. Например, невозможным оказалось исследовать в каких-либо подробностях типы организационных структур, которые возникли в странах, где господствующей религией является ислам. Поскольку в своей статье я в основном сосредотачиваюсь на странах американского континента, Европы и бывшего социалистического блока, то неудивительно, что системы, существующие в этих частях мира, в последующем тексте главы получают более подробное рассмотрение. Цель наших размышлений – представить широкую перспективу всего разнообразия юридических лиц,

существующих в правовых системах в мире, которые могут быть использованы для содействия свободе религии и убеждений на уровне законов, регулирующих типы юридических лиц, доступных для использования религиозными группами.

Подход, ориентированный на содействие, возник в англосаксонских правовых системах в рамках общей эволюции законодательства о трастах и религиозных корпорациях, наряду с общим развитием толерантности и свободы совести. В США это развитие было усилено существующей конституционной защитой свободы совести. Частный траст – это уникальный институт, возникший в мире англосаксонского права и по сути неизвестный в гражданско-правовых континентальных системах, хотя многие из его функций могут быть воспроизведены с использованием других правовых механизмов. В типичном трасте «доверитель» или «учредитель» передает собственность попечителю (доверительному собственнику, фидуциару), на котором лежит обязанность сохранения собственности и распоряжения ей во благо бенефициара. Попечитель является «законным» владельцем собственности; бенефициар – ее «признанным владельцем».

В Англии траст стал основным инструментом для организации благотворительной (некоммерческой) деятельности, в том числе религиозной, начиная с Реформации до настоящего времени. Поскольку создание благотворительных некоммерческих корпораций зависело и продолжает зависеть от монарха, в отношении к созданию благотворительных трастов имеет место несколько большая свобода. Однако основные правила, регулирующие благотворительные трасты и благотворительные корпорации в достаточной степени согласованы друг с другом.

На раннем этапе развитие корпораций или хартий, разрешающих учреждение таковых в США, следовало английской модели, согласно которой корпорацию можно было учредить только с прямого разрешения монарха. В колониальный период многие церковные структуры не могли обеспечить себе корпоративных привилегий, поскольку таковые были зарезервированы за государственной церковью. После Войны за независимость в демократических Соединенных Штатах размытие понятия корпорации как дарованной сувереном особой привилегии постепенно привело к отмене этой концепции создания корпорации, предполагающей выдачу специальной хартии. Старая система специальных хартий и фаворитизма в сфере религии уступила дорогу законодательным установлениям, которые «предоставляли корпоративную форму всем организациям, способным сообразно определенным минимальным условиям». Если планка этих требований была установлена слишком высоко, вместо них мог использоваться механизм благотворительного траста. Возникли два типа религиозных корпораций – корпорация, выступающая в качестве доверительного собственника, которая просто объединяет доверителей, и корпорация, основанная на членстве, или общество. Также возникла третья форма – единоличная корпорация, которая стала использоваться в первую очередь организациями с иерархической структурой. Например, единоличная корпорация могла использоваться для хранения имущества под контролем епископа католического диоцеза, в сущности, эволюция двигалась в направлении простого, лишнего дискриминации доступа к статусу юридического лица для религиозных объединений. По мере того, как влияние права на свободу религии и убеждений для статуса организации признавалось все в большей степени, как в трастовом,

так и корпоративном праве происходила эволюция, направленная на облегчение приобретения статуса юридического лица.

Хотя законодательство о религиозных объединениях в других странах нередко значительно отличается от существующего в США, справедливо будет сказать, что общая историческая тенденция направлена в сторону ориентированных на содействие законов о религиозных объединениях. В качестве наиболее впечатляющего примера следует упомянуть радикальный сдвиг, который за последние 15 лет произошел в законодательстве стран бывшего социалистического блока. Отчасти эта «контрольная ментальность» сохраняется как в структуре, так и в реализации законодательства о религии в этих странах, однако очевидно, что произошла огромная трансформация в направлении содействия свободе религии и убеждений. В целом большинство стран в этом регионе имеют законы, в которых утверждаются конституционные положения, связанные со свободой религии и убеждений, вводятся более детальные положения, подробно расписывающие значение этих конституционных норм и, в частности, определяются требования и процедуры для получения статуса религиозной организации. Падение коммунизма привело к установлению более демократичных режимов и во многих других частях мира, что, как правило, повлекло за собой и установление ориентированного на содействие подхода к законам о религиозных объединениях. В этом разделе освещаются общие тенденции и показательные изменения в других частях мира.

В Европе важность ориентации на содействие подчеркивается последними решениями Европейского Суда, в которых устанавливается, что право на объединение включает в себя право на получение статуса юридического лица. Хотя некоторые из ранних решений касались политических и культурных объединений, в настоящее время очевидно, что эти прецеденты защищают в том числе и право на получение статуса юридического лица для религиозных общин. Как было отмечено выше, во многих европейских странах существует многоуровневая система. В этих системах, как правило, для религиозной группы на «базовом уровне» существует возможность организовать в качестве обычной некоммерческой ассоциации (например, зарегистрированного объединения). В некоторых странах существуют ассоциации базового уровня, специально разработанные для религиозных общин. В некоторых случаях вводится особая категория религиозных объединений, которая представляет собой промежуточную категорию между светскими некоммерческими объединениями и статусом «верхнего уровня», которым, как правило, обладают государственные церкви или крупные конфессии. Так, в Австрии существует категория конфессиональных общин (*Bekenntnisgemeinschaften*), которые находятся между обычными зарегистрированными объединениями и «признанными религиями» высшего уровня. Стоит отметить, что в отношении организаций базового уровня очевиден не только подход, ориентированный на содействие, но и, кроме того, облегчается «продвижение» на более высокие уровни. Так, существует немало религиозных групп, которым в Германии был предоставлен статус «публичной корпорации». Недавнее решение Конституционного суда этой страны, как представляется, защищает достаточно широкий доступ к статусу «публичной корпорации». В странах, использующих систему соглашений или конкордатов, делаются попытки расширить число групп, пользующихся преимуществами, которые предоставляют такие соглашения.

На данный момент, за исключением Кубы, во всех странах Латинской Америки религиозные общины свободны собираться и проводить богослужения без государственного одобрения. Однако, как и в других частях мира, большинство религиозных групп предпочитает получить возможность создать в какой-либо форме религиозную организацию. Общей тенденцией для стран Латинской Америки является удовлетворение этой потребности не католических групп посредством общих законов, регулирующих общественные объединения. Эти организации по своей природе являются некоммерческими и по сути представляют собой аналогию стандартным некоммерческим корпорациям в США. Типичные законы, регулирующие деятельность общественных объединений, позволяют группе учредителей создать объединение в соответствии с уставом или учредительными документами, в которых излагается характер, назначение и структура их объединения. Такие объединения могут создаваться для целого ряда целей, в том числе благотворительных, социальных, образовательных, культурных и религиозных. Обычно юридические требования для создания и поддержания таких общественных объединений не являются чрезмерно жесткими. Основное ограничение состоит в том, что организация должна функционировать на некоммерческой основе (т. е. прибыль или имущество объединения не могут передаваться или распределяться между учредителями). Для создания такого объединения учредители готовят письменный устав, который оформляется, нотариально заверяется и подается в какой-либо государственный орган, как правило, министерство юстиции. При условии соблюдения этих общих процедурных требований организация получает статус юридического лица. Создание общественных объединений обычно не подлежит какого-либо рода дискреционному одобрению со стороны правительства. После своего создания организация обычно должна выполнять требования по ежегодному предоставлению отчетности, иначе ее существование может быть прекращено.

Когда религиозная группа образует общественное объединение или подобный ему вид юридического лица, под эгидой которого она желает вести свои юридические дела, это юридическое лицо по сути регистрируется и признается правительством. Во многих странах религиозная организация подчиняется точно такому же минимальному уровню правительственного контроля, как и другие благотворительные или культурные организации. Так, в тех странах Латинской Америки, которые не имеют специальной или дальнейшей регистрации религиозных организаций, после образования общественного объединения и подачи в правительство соответствующих документов религиозное объединение в полной мере обладает правовым статусом, необходимым для осуществления всей своей деятельности. Так обстоит дело в Бразилии, Уругвае, Парагвае и Венесуэле, где нет государственного реестра религиозных объединений.

Подобные же тенденции очевидны в других частях мира. В Южной Африке, например, существуют очень прогрессивные законы о регистрации. По южноафриканскому законодательству возможно создать (инкорпорировать) религиозную организацию без необходимости какого-либо государственного одобрения. Это предельное развитие идеи, родившейся в странах англосаксонского права с их законами о трастах и состоящей в том, что юридические лица могут быть созданы посредством частного решения. Канада и

Новая Зеландия, как можно было ожидать, имеют очень гибкие законы. Япония и некоторые другие тихоокеанские государства также имеют очень гибкие положения, предоставляющие должный доступ к статусу юридического лица религиозным группам.

Таким образом, справедливо будет сказать, что преобладающей тенденцией, по крайней мере, среди демократически ориентированных режимов, явно является тенденция, направленная к принятию законов о религиозных объединениях, которые предоставляют легкий доступ к статусу юридического лица и реализуют эти законы в духе содействия. К сожалению, в мире остается еще много мест, где законы о религиозных объединениях остаются довольно жесткими. Это большая проблема во многих странах мусульманского мира. Законы в Китае и нескольких странах Юго-Восточной Азии по-прежнему содержат очень жесткие ограничения. Более того, во многих других частях мира – даже в странах, от которых можно было бы ожидать высокого уровня соблюдения международных норм – остается немало областей, где возможны значительные улучшения. Так, несмотря на то, что законы о религиозных объединениях, возможно, являются не самым драматическим аспектом свободы религии и убеждений, – именно в этой области могут быть предприняты некоторые из наиболее значимых практических шагов.

Цель последующих наших размышлений состоит в том, чтобы показать, почему гибкие законы о религиозных объединениях, предоставляющие доступ к статусу юридического лица, столь важны для свободы религии и убеждений, а также в том, чтобы представить сравнительный обзор спектра существующих правовых механизмов и подходов к содействию свободе религии и убеждений при помощи законов о религиозных объединениях. Сравнительный подход признает, что законы о религиозных объединениях, очень схожие по структуре, могут иметь весьма различное воздействие на свободу религии и убеждений, в зависимости от того, толкуются и применяются они с целью содействия свободе совести или же с намерением использования правовой системы для управления или контроля над религиозной деятельностью.

Далее мы покажем, как сходятся вместе обоснования права религиозных групп на получение статуса юридического лица, содержащиеся во всех международных актах по правам человека. Сначала я рассмотрю содержание материального права на религиозную свободу, определенного и разработанного в документах и в деятельности органов по правам человека. Они демонстрируют, что законы о религиозных объединениях должны обладать достаточной широтой, чтобы позволить религиозным группам (а также другим мировоззренческим сообществам) осуществлять весь спектр деятельности, подразумеваемой идеей права «выражать [свои] религиозные убеждения в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» «индивидуально или сообща с другими». Далее я исследую роль права на свободное объединение, в отдельности и в сочетании с правом на свободу религии. Наконец, я рассматриваю другие ключевые права человека, которые защищают не только 1) право на равное обращение со стороны законов о религиозных объединениях, но и 2) гарантию соответствия подобных законов фундаментальным требованиям верховенства права, и 3) право на справедливое разбирательство для всех групп, желающих получить статус религиозной организации.

В той степени, в которой законы о религиозных объединениях представляют собой вмешательство в право на свободу религии и убеждений, свободу объединения или другие права человека, они содержат ограничения, допустимые только в том случае, если они подпадают под ограничительные положения соответствующих международных инструментов. Эти ограничительные положения должны толковаться узко, чтобы обеспечить максимум религиозной свободы; это означает, что спектр допустимых ограничений на религиозную свободу, налагаемых законами о религиозных объединениях, должен сводиться к минимуму. Полная реализация всего комплекса международных норм, оказывающих влияние на законы о религиозных объединениях, включая заботу об обеспечении того, чтобы эти законы не устанавливали недопустимых ограничений свободы религии и убеждений, обеспечивает ориентированное на содействие толкование и исполнение этих законов.

Все в большей степени, благодаря широкому признанию практического значения законов о религиозных объединениях, что было описано выше, проблема доступа к статусу юридического лица вызывает практический интерес первостепенной важности. В рамках Хельсинкского процесса на эту проблему было обращено особое внимание, а ее значимость была отмечена еще на Мадридской встрече в 1983 году. Тогда государства-участники указали, что они «будут благожелательно рассматривать ходатайства религиозных объединений верующих, исповедующих или готовых исповедовать свою веру в конституционных рамках своих государств, о предоставлении статуса, предусматриваемого в их странах для религиозных культов, учреждений и организаций». Эта формулировка была усилена в Заключительном документе Венской встречи в 1989 году, которая в этой области, как и во многих других, ознаменовала ключевой поворотный пункт в позициях Востока и Запада по многим проблемам прав человека. Венский заключительный документ предусматривал, что государства-участники будут не только «благожелательно рассматривать ходатайства», но и «будут... предоставлять по их просьбе объединениям верующих, исповедующих или готовых исповедовать свою веру в конституционных рамках своих государств, признание статуса, предусмотренного для них в соответствующих странах». Формулировки этого обязательства звучат довольно размыто, но намерение все же ясно. Как было показано выше в нашей статье, существует множество организаций с различными названиями, которые могут быть описаны в терминах «статуса, предусмотренного для них в их странах» – трасты, некоммерческие корпорации, религиозные корпорации, общественные объединения, религиозные организации и т. д. Целью Венского заключительного документа было подняться над институциональной формой и побудить страны дать обязательство по предоставлению религиозным группам доступа к статусу юридического лица в том виде, который способствовал бы стремлению религиозной общины осуществлять полный спектр своей деятельности в «конституционных рамках своей страны». Проблемы, касающиеся законов о религиозных объединениях, оставались важной для ОБСЕ темой на протяжении всех 1990-х годов. В июне 2002 года нидерландское правительство в сотрудничестве с Румынией, бывшей тогда председателем ОБСЕ, спонсировало семинар для региона ОБСЕ, основной упор в ходе которого делался на эти проблемы¹⁴³. Этот семинар помог подчеркнуть, что интерес ОБСЕ к этой сфере

остался прежним. ОБСЕ оказала большую услугу международному сообществу, сосредоточив внимание на важности законодательства о религиозных объединениях. Тем самым, однако, ОБСЕ не добавляла ничего нового; организация просто подчеркивала то, что уже содержалось в существующих международных нормах, регулирующих свободу религии и убеждений, которые были приняты огромным большинством стран мира.

Хотя на первый взгляд может показаться, что формулировки ключевых международных актов в области прав человека слишком абстрактны и не способны затронуть конкретных проблем, которые обыкновенно возникают в связи с законодательством о религиозных объединениях, в действительности, следствия из этих документов, состоящие в требовании применения подхода, ориентированного на содействие, становятся очевидными при тщательном анализе. Этот анализ, однако, осложняется в силу многообразия соответствующих предписаний и множества международных документов, затрагивающих набор норм, которые относятся к этому вопросу.

Можно подойти к рассмотрению различных проблем на основании анализа отдельных документов, поскольку в каждом из международных правовых актов соответствующие нормы излагаются несколько различным образом, однако для наших целей анализ будет проще, если подойти к нему на основании конкретных проблем, суммируя то, что каждый из этих документов добавляет к применению соответствующих норм. Из-за основополагающей схожести этих норм, особенно по ключевым вопросам, касающимся законов о регистрации религиозных объединений, имеет смысл давать совместные ссылки на них в ходе рассмотрения, несмотря на то, что различные документы обладают несколько разными значениями и уровнями компетенции.

Основополагающее право на свободу религии и убеждений. Отправной точкой для анализа смысла основополагающего права на свободу религии и убеждений является ст. 18 Всеобщей декларации прав человека, параллели с которой содержатся практически во всех международных инструментах: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов».

Я выделил курсивом ряд ключевых терминов в этом положении, которые имеют особое значение для законодательства о религиозных объединениях. Ниже я рассмотрю эти выделенные курсивом термины по очереди, используя их для того, чтобы выделить ключевые особенности права на свободу религии и убеждений в этой области.

1. Универсальность права. «Каждый человек»- сказано в Декларации. Следовательно, все люди обладают этим правом. Все основные международные инструменты последовательны в этом вопросе. Даже ребенок обладает этим правом, которое в случае ребенка должно уважаться, с учетом «прав и обязанностей родителей руководить ребенком в осуществлении его права методом, согласующимся с развивающимися способностями ребенка». Доступ к этому праву не ограничен лишь гражданами или даже постоянно проживающими на территории государства лицами. Иностранцы, не имеющие права постоянного проживания, и лица без гражданства также имеют право на свободу религии и

убеждений, равно как и иностранные религиозные лидеры, религиозные работники и миссионеры. Люди не утрачивают своих прав в результате принятия каких-либо религиозных должностей или функций.

Постоянно повторяющейся проблемой в связи с законами о религиозных объединениях является то, что они часто ограничивают сферу действия права, распространяя его только на граждан или лиц, постоянно проживающих на территории страны. Государства могут иметь основания для закрытия въезда в свою страну определенным категориям лиц, которые будут удовлетворять требованиям, необходимым для ограничения проявлений религии (например, лиц, которые могут представлять опасность для их граждан). Однако эти классификации не должны структурироваться таким образом, который предполагает дискриминацию исключительно на основании религии. Примечательно, что, при том, что государства располагают определенной свободой, позволяющей им вводить ограничения на политическую деятельность иностранцев, невзирая на общую защиту свободы выражения мнения, свободы объединения и права, не подвергаясь дискриминации, пользоваться фундаментальными правами и свободами, права не граждан в отношении свободы религии и убеждений не могут подвергаться аналогичным ограничениям.

2. Право на религиозную свободу не создается и не предоставляется государством. «Имеет» - сказано в Декларации. Религиозная свобода не есть нечто, дарованное государством или его установленным законом государственным строем, но нечто, чем люди и религиозные группы обладают просто в силу своей человеческой природы. Поскольку законы о религиозных объединениях по необходимости приобретают форму указания отдельным лицам и группам, что они должны делать для создания различных видов религиозных организаций, некоторые должностные лица склонны полагать, что государство вправе решать, предоставить ли такой статус, как должны быть устроены организации, какой степенью автономии обладать, в какой степени государство должно осуществлять контроль над такими организациями и так далее. В действительности, история взаимодействия религиозных общин и государственных институтов полна примеров, когда государства осуществляли власть таким образом, что фактически ими определялся характер предоставляемых видов юридических лиц и рамки свободы, которую они были готовы им предоставить.

Однако это не значит, что подобное осуществление государственной власти было законным или согласующимся с требованиями прав человека. Смысл установления свободы религии и убеждений в качестве одного из прав человека состоит в том, что при определении его нормативной легитимности это право не зависит от того, как оно фактически структурировано государством. Также право на статус юридического лица не зависит от того, признали ли государства надлежащим образом этот статус. В современном мире государство может ограничивать проявления религиозных или иных убеждений, нанося им такой же ущерб посредством ограничения религиозных организаций, как и посредством норм уголовного законодательства или других схем разрешения на осуществление деятельности. Ограничения любого рода допустимы только в той степени, в какой они разрешены ограничительными положениями, таким как ст. 18(3) МПГПП, ст. 9(2) ЕКПЧ и ст. 12(3) АКПЧ.

3. Необходимость широкого определения религии. «Религия» - сказано в Декларации. Должностные лица, применяющие законодательство о религиозных объединениях, обязаны применять широкий подход, избегая дискриминации посредством навязывания какого-либо санкционированного определения. «Религия» и ряд других терминов, которые могут быть важны при применении норм, регулирующих свободу религии и убеждений (например, совесть, убеждения, секта, клир, конфессия и множество других терминов) печально известны сложностями, возникающими при попытке дать им определение. Так обстоит дело отчасти в силу внутренней неопределенности того, что следует считать «религией» или «религиозным», а вариативность в спектре явлений, потенциально описываемых этими терминами, весьма широка. Однако отчасти это также вызвано тем, что жесткие определения, применяемые государством, сами по себе являются внутренне дискриминационными и в практическом отношении могут способствовать введению ограничений на убеждения отдельных лиц и групп, которые эти последние искренне считают религиозными. Хотя эти проблемы, связанные с определениями, в конечном счете могут быть не разрешимыми на теоретическом уровне, в подавляющем большинстве случаев они относительно легко разрешимы на практике. Комитет по правам человека ООН в своем Общем комментарии № 22 1993 года провозгласил здравый подход, которого следует придерживаться. В частности, параграф 2 этого документа гласит:

«Ст. 18 защищает теистические, нетеистические и атеистические убеждения, а также право не исповедовать никакой религии или убеждений. Термины «убеждения» и «религия» подлежат широкому толкованию. Применение ст. 18 не ограничено традиционными религиями, или религиями и системами убеждений, обладающими институциональными особенностями или практикой, которые аналогичны имеющимся в традиционных религиях. Комитет поэтому с беспокойством рассматривает любую тенденцию проявления дискриминации в отношении любой религии или системы убеждений по любым причинам, в том числе по той, что они недавно созданы, или представляют религиозные меньшинства, по отношению к которым преобладающее религиозное сообщество может испытывать враждебность».

Данное положение признает невероятное разнообразие религиозных феноменов, которое должно учитываться при защите свободы религии и убеждений. Законы о религиозных объединениях должны разрабатываться с учетом реальности этого практически безграничного плюрализма. Что бы еще ни означала религиозная свобода, она не ограничивается защитой «традиционных религий», с которыми государство чувствует себя комфортно. Она очевидным образом распространяется на более мелкие группы, на недавно созданные группы, на инакомыслящие группы внутри какой-либо деноминации, на отколовшиеся группы, на радикальные или фундаменталистские группы - то есть на все группы, которые испытывают нашу способность проявлять подлинную толерантность и уважение.

К сожалению, многие страны игнорируют вышеуказанную рекомендацию и придерживаются слишком узких юридических определений «религии». В Китае определения столь жестки, что даже традиционные религии не попадают в набор религиозных организаций, признанных государством. В целом узость установленных критериев законной религиозной организации во многих странах

часто исключает не конвенциональные религиозные организации, которые могут в чем-то не соответствовать содержанию в законе определению. Например, в белорусском законе упоминаются «религиозные объединения, монастыри, религиозные братства и сестринства, религиозные миссии и духовные образовательные учреждения». Это относится лишь к нескольким конкретным типам структурированных организаций, тогда как существуют и другие виды религиозных организаций, которые даже не упоминаются в этом положении. Эстония предоставляет другой пример: она посвящает три параграфа в своем законе о религии определению религиозных организаций, вводя жесткие правила, которые подразумевают под религиозным объединением именно структурированные иерархические организации. В 2000 году в венгерском законопроекте о религиозной свободе было предложено сузить круг признаваемых законом религий посредством применения к ним идентификации в качестве «структурированного комплекса убеждений». Кроме того, в этом законопроекте к определению было добавлено особое требование, чтобы религии «сосредоточивались на действительности как едином целом». Такое положение могло бы воспрепятствовать в регистрации и тем самым в признании законности неструктурированных религиозных объединений, которые сосредотачивают свое учение на загробной жизни или какой-либо иной действительности. К счастью, этот репрессивный законопроект не был принят. В Армении объединение может быть признано в качестве религиозного, если оно «основывается на каких-либо исторически канонизированных Священных Писаниях», если его вероучение «составляет часть международных современных религиозно-церковных сообществ», и если оно «свободно от материализма и направлено на исключительно духовные цели». Под эти определения подпадают в основном традиционные религиозные организации, с установленными писаниями и привычным видом организации.

В Перу проблему вызвал не столько сам термин «религия», сколько неоправданно узкие толкования терминов «монастыри» и «обители» (как женские, так и мужские). Это может послужить полезным напоминанием о том, что проблемы дефиниций могут распространяться на другие типы терминологии, которые могут иметь конкретное значение в одной религии, но совершенно иные значения - в других религиях.

Должно быть очевидно, что термин «религия» в том виде, в котором он используется в международных инструментах, включает в себя и «религиозные секты». За последние годы стала слишком распространенной тенденция ставить на некоторые группы клеймо «сект». Намеренное употребление подобной терминологии с уничижительным подтекстом само по себе является нарушением норм религиозной свободы. Любое утверждение, что «секты» не являются «религиями», в целях утверждения притязаний на религиозную свободу, только еще более ухудшает ситуацию.

Заметим, что причисление к категории «религий» группы не ведет автоматически к выводу, что всякое утверждаемое ею религиозное притязание будет автоматически оправданным. Радикальные позиции, угрожающие нанесением неминуемого и ощутимого ущерба другим, будут явно оправдывать вмешательство государства. В целом религиозные притязания могут подвергаться ограничениям в ограниченном наборе ситуаций, определенных в соответствующих ограничительных положениях. Однако в таких ситуациях имеет

место не государственное регулирование нерелигиозного поведения, а оправданное государственное вмешательство, которое оказывается выше требований религиозной свободы.

4. Коллективный аспект права на свободу религии и право на религиозную автономию. «Совместно с другими»- сказано в Декларации. Это наиболее важный аспект свободы религии и убеждений, так как он часто гарантирует защиту для деятельности, имеющей общественный аспект. Хотя, разумеется, можно представить себе чисто индивидуальные религиозные убеждения и поведение, настоящая религиозная жизнь почти неизменно предполагает взаимодействие - «совместно с другими». Смысл и реальность такого общения чрезвычайно важны для большинства аспектов религиозного «учения, исповедания и исполнения обрядов». Недопустимо узкие законы о религиозных объединениях или ограничительное применение таких законов обязательно приводит к вмешательству в это общественное измерение свободы проявлять религиозные убеждения, что, в свою очередь, всегда приводит к вмешательству в индивидуальное выражение религиозных убеждений, в той мере, в какой индивидуальные формы выражения религиозных убеждений предполагают взаимодействие с другими.

Иными словами, законы о религиозных объединениях создают правовые рамки, которые по множеству практических причин важны для беспрепятственного исповедания религии и выражения религиозных убеждений. Какую бы позицию мы ни занимали в связи с вопросом о том, существует ли групповое измерение религиозных прав или же права группы являются изолированной метафорой индивидуальных прав, суть в том, что доступные и гибкие, хорошо приспособляемые законы о религиозных объединениях необходимы для защиты религиозной жизни в любом ее значении и в достаточной степени богатой, чтобы включать в себя важный опыт «общения с другими». Потребность в подлинной общинной жизни, как она видится и осуществляется религиозным сообществом, свободным от государственного влияния, помогает обосновать право общины на религиозную автономию. Это особая, более высокая форма права на объединение. Если признать, что право на религиозную автономию включено в основу права на свободу религии, то будет очевидно, что законы о религиозных объединениях, ограничивающие осуществление этой автономии, нарушают свободу религии и убеждений.

Некоторые ранние прецеденты в соответствии с Европейской Конвенцией устанавливали, что Церковь, «будучи юридическим, а не физическим лицом, не может обладать или пользоваться правами, упомянутыми в ст. 9. Ненадлежащими субъектами прав, гарантированных ст. 9, в первую очередь считались организации, извлекающие прибыль из своей деятельности, однако считалось, что даже некоммерческие организации не обладают способностью осуществлять право на свободу совести (в отличие от свободы религии, на которую юридические лица вправе притязать). По-видимому, тогда считалось, что, «хотя свобода мысли и совести, равно как и свобода выбирать религию и убеждения являются строго личными свободами, право на свободу религии имеет не только индивидуальное, но и коллективное измерение, и само функционирование церковью зависит от соблюдения этого права». Эту точку зрения подвергает критике Малкольм Эванс, который отмечает, что «церковь, как организация, не в

большей и не в меньшей степени способна обладать религиозными или иными убеждениями, чем любое другое юридическое лицо - обладать совестью».

В любом случае, ранняя точка зрения, согласно которой юридические лица не могут притязать на свободу религии и убеждений, в дальнейшем была отвергнута европейскими институтами. Уже в деле Церкви Саентологии против Швеции (*Church of Scientology v. Sweden*) Комиссия заключила, что в целях ст. 9 различие между церковью и ее членами является искусственным и, соответственно, церковь может претендовать на права по ст. 9 в собственном качестве, будучи представительницей ее членов. Этот подход подвергался критике на том основании, что «он просто позволяет церкви занимать место ее членов и не признает права церкви как таковой выражать свои религиозные убеждения». Последующие решения разъяснили, что церкви и иные подобные юридические лица, созданные с религиозными и философскими целями[^] могут притязать на права по ст. 9 и как представители своих членов, и в собственном качестве. Действительно, Европейский Суд даже признал, что церковь обладает правоспособностью для утверждения своих религиозных притязаний даже в том случае, если она не соблюла юридических формальностей для получения статуса юридического лица, и постановил, что непризнание такой правоспособности составляет лишение права на судебное разбирательство по ст. 6(1) ЕКПЧ. Коллективное право религиозных групп и организаций притязать на религиозную свободу широко признано в правовых системах разных стран мира. В целом признание за религиозными группами и организациями таких прав вполне обоснованно – с одной стороны, потому, что такие организации часто находятся в более выгодном положении для эффективной защиты свободы религии и убеждений, а с другой стороны, потому, что для коллективного целого оправданно быть облеченным способностью защищать коллективный аспект данного права религии, защиты которых требует Декларация 1981 года, как показывает следующий перечень проблем (основанный на ст. 6 Декларации 1981 г.). Они затрудняют приобретение помещений, где религиозная община может «отправлять культы или собираться в связи с религией или убеждениями». Они могут помешать созданию «соответствующих благотворительных или гуманитарных учреждений». Они затрудняют религиозной общине возможность «производить, приобретать и использовать. необходимые предметы и материалы, связанные с религиозными обрядами или обычаями или убеждениями» или «выпускать и распространять соответствующие публикации в этих областях». В современных условиях почти все эти «выражения убеждений» предполагают наличие юридических лиц, которые могут приобретать или снимать в аренду помещения, заключать договоры и т. д. Подобным образом, без соответствующих юридических лиц способность религиозной общины «испрашивать и получать от отдельных лиц и организаций добровольные финансовые и иные пожертвования» значительно уменьшается. То есть, практически все конкретные примеры защищенных способов выражения религиозных убеждений, перечисленные в Декларации 1981 года, практически немислимы с практической точки зрения без эффективного доступа к статусу юридического лица. То, что верно в отношении примеров из Декларации 1981 года, верно и в более общем смысле: трудности с получением статуса юридического лица являются принципиальными ограничениями свободы религии и убеждений.

«Учение, богослужение и выполнение религиозных и ритуальных обрядов». Эти термины достаточно широко описывают общие типы поведения, включенного в общую категорию религиозной деятельности. Они должны рассматриваться как репрезентативные и необязательно исчерпывающие. Как отметила профессор Каролин Эванс, «Материалы ООН, особенно исследование А. Кришнасвами, показывают, что подобные слова были использованы в попытке охватить широкий спектр способов выражения религиозных убеждений, и ограниченное их толкование не было предусмотрено... Можно смело предположить, что намерением было охватить все возможные виды выражения религиозных и иных убеждений терминами "учение, богослужение и выполнение религиозных и ритуальных обрядов"». Эти термины подчеркивают, что свобода совести и религии подразумевает большее, чем возможность придерживаться «внутренних» убеждений, и распространяется, в том числе, на «внешнее» поведение.

В отношении каждой из этих категорий возможно представить небольшую группу, осуществляющую некоторые виды «учения, богослужения и выполнения религиозных и ритуальных обрядов» и без получения статуса юридического лица. Небольшая группа может собираться в чьем-нибудь доме для обучения или обмена идеями. Отдельные члены группы могут пытаться практиковать и соблюдать усвоенные ими учения. Они могут отправлять богослужение объединениях разрабатываются с учетом практики традиционных групп, не допуская достаточной гибкости для других религиозных групп. Предположения о характере священнослужения и церковного управления, которые совершенно уместны, если речь идет о знакомых группах, могут стать своего рода прокрустовым ложем для остальных. Даже в отношении известных групп законодательные нормы, написанные для церкви, могут быть не вполне применимы к религиозным (монашеским) орденам. Прямолинейные интерпретации правил теми, кто облечен полномочиями по их исполнению, могут привести к появлению дальнейших проблем.

Рассмотрение заявлений о получении статуса юридического лица (регистрация, инкорпорация и т. п.) должно быть структурировано таким образом, который скрупулезно сохраняет нейтралитет государства. Те, кто проводит процесс рассмотрения, должны ограничиваться формальными требованиями закона (например, чтобы была представлена требуемая информация об учредителях, достаточная контактная информация, чтобы было должным образом предусмотрено, что делать с имуществом в случае ликвидации и т. д.). Они не должны располагать свободой усмотрения в вопросах, относящихся к содержанию вероучения или религиозной практики. Государственные органы власти должны сохранять нейтралитет в оценке истинности религиозных убеждений и обязаны относиться ко всем группам беспристрастно.

В частности, государственные служащие не должны вмешиваться во «внутренние» дела какой-либо религиозной организации. Как отмечено в принципе 16(4) Итогового документа Венской встречи (лишь одного из относящихся к данному вопросу документов) это включает в себя право религиозной группы учреждать места богослужений и собраний, организовываться в соответствии с собственной иерархической (или неиерархической) структурой; выбирать, назначать и заменять свой персонал согласно своим соответствующим требованиям и стандартам; спрашивать и

получать денежные средства. Территориальная структура – это еще один вопрос, в общем понимании подпадающий под категорию внутренних дел религиозной общины. Государство не должно принимать за религиозную общину решение о размерах ее конгрегации и их территориальной сферы деятельности. Религиозная община вправе установить границы своих подразделений, которые не обязательно совпадают с политическим делением. Государства также не должны ограничивать религиозные организации в вопросах назначения их персонала или его перевода между церковными единицами. Различные религиозные организации распределяют свой штат различным образом, и государственные служащие не должны вмешиваться в этот процесс. Положения, предоставляющие государственным служащим право одобрять (или налагать вето) на приглашение зарубежных единоверцев, также представляются проблематичными в этой связи, за исключением случаев, если имеются объективные, нерелигиозные

Утверждение ориентированного на содействие подхода к формулированию и исполнению законодательства о религиозных объединениях закладывает главное правовое и общественное основание, необходимое для воплощения великих идеалов международного права о религиозной свободе на уровне практической жизни религиозных общин. Это чрезвычайно важно для создания общественного пространства, в котором люди могут находить и формировать свое мировоззрение, а традиции - бережно сохраняться. Это чрезвычайно важно для того, чтобы подлинное уважение могло преобразовывать различия между группами в атмосферу общественной стабильности, подлинного общественного порядка, безопасности и мира, и способствовать плодотворному плюрализму, который столь важен для демократического общества.

Петро ЯРОЦЬКИЙ

МІЖКОНФЕСІЙНІ ВІДНОСИНИ В УКРАЇНІ І ДЕРЖАВНА ПОЛІТИКА В КОНФЕСІЙНІЙ СФЕРІ

За двадцять років існування незалежної України у релігійній і суспільній свідомості українців відбулися значущі зміни. Міжконфесійні відносини трансформувалися від напруги, а в деяких регіонах (здебільшого на Заході) - від конфліктності на початку 90-х років м. ст. до стабільного стану в кінці їх, толерантності та співробітництва між конфесіями упродовж першого десятиріччя XXI століття. Істотне значення для поліпшення міжконфесійних відносин мав Закон України „Про свободу совісті та релігійні організації”, визнаний європейською спільнотою як документ, що репрезентував вступ України на правовий, демократичний, цивілізований шлях розвитку міжконфесійних і державно-конфесійних відносин, сприяв вільному світоглядному і віросповідному, плюралістичному виявленню та захисту прав і свобод кожного громадянина України, незалежно від його релігійної та національної приналежності.

Вагоме значення для розвитку толерантних міжконфесійних відносин і стимулювання розвитку екуменічних начал мають незалежні від держави міжконфесійні консультативні структури: Всеукраїнська рада Церков і релігійних